

ПОЛЬША В БОРЬБЕ ЗА ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ

1920–2020

К
КУЧКОВО ПОЛЕ
Москва
2020

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)6
П53

Под общей редакцией генерального директора
Института внешнеполитических исследований и инициатив
Вероники Крашенинниковой

Ответственный редактор
Дмитрий Буневич

П53 **Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020.** Сб. ст. / Под
общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. Д. С. Буневич. —
М.: Издательство «Кучково поле», 2020. — 176 с.: ил. — (Реальная
политика)

ISBN 978-5-907171-17-6

Междуморье — это геостратегический проект по объединению под польским лидерством государств Восточной Европы, который сто лет назад предложил маршал Юзеф Пилсудский. Тогда его планы окончились крахом, но химеры Междуморья до сих пор продолжают тревожить умы польских политиков и сеять хаос на Востоке Европы. Как и сто лет назад, Варшава сегодня вновь пытается объединить регион и противопоставить его России и Западной Европе. На фоне роста стратегического отчуждения между США и ЕС Междуморье постепенно становится основным орудием Вашингтона, направленным против Евросоюза и России. Авторы сборника — известные историки, политологи и специалисты-международники — подробно и содержательно анализируют историю и современный этап борьбы Польши за региональное доминирование. Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей Европы и актуальной международной политикой.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)6

На обложке изображена польская памятная медаль 1930 г., посвященная 10-летию окончания советско-польской войны.

ISBN 978-5-907171-17-6

© АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», 2020
© ООО «Издательство «Кучково поле», 2020

МЕЖДУМОРЬЕ. К СТОЛЕТИЮ ХИМЕРЫ

От редакторов

Ровно сто лет назад на равнинах Восточной Европы полыхало пламя Советско-польской войны — и от её исхода зависело будущее всей Европы. Воссозданная в ноябре 1918 г. на руинах трёх империй Польша желала стать новым региональным гегемоном, распространив свои владения далеко за пределы земель, населенных этнически польским населением. В апреле 1920 г. польские войска вторглись на территорию Украины, несмотря на то что с конца 1919 г. РСФСР и УССР сделали Варшаве несколько официальных предложений решить спорные вопросы мирным путём. В феврале 1920 г. советское правительство открыто сформулировало территориальные условия мира, заявив о готовности оставить Польше захваченные ею к тому времени Западную Волынь на Украине и часть Белоруссии. Однако начальник государства (*naczelnik Państwa*) Польского Юзеф Пилсудский выбрал войну.

Она проходила с переменным успехом. В мае поляки взяли Киев и провели в нем парад своих войск. Летом инициатива перешла к Красной армии. Наступление войск Западного фронта под командованием Михаила Тухачевского было остановлено под Варшавой в середине августа. В случае другого исхода Варшавской битвы судьба Европы могла бы сложиться иначе. «Если бы Польша стала советской, Версальский мир был бы разрушен и вся международная система, которая завоёвана победами над Германией, рушилась бы», — отмечал Владимир Ленин в сентябре 1920 г.

Но произошло то, что произошло. 18 марта 1921 г. РСФСР и УССР подписали с Польшей Рижский мир, определивший новую границу между государствами. Недовольными в итоге оказались все. Не получилось ни Польши «от моря до моря», о которой мечтал Пилсудский,

ни социалистической советской Польши. Белорусы и украинцы стали разделёнными народами, часть из них оказалась на территории УССР и БССР, другие — в Польше. Варшава, однако, не оставила своих надежд установить господство в Восточной Европе.

На весь межвоенный период Польша стала, наверное, самым проблемным соседом для Советского Союза. Опасения Москвы не были беспочвенными. Вторая Речь Посполитая (*II Rzeczpospolita* — Вторая Республика) взяла на вооружение геостратегическую концепцию Междуморья: Пилсудский мечтал создать под верховенством Варшавы конфедерацию государств, расположенных между Чёрным, Адриатическим и Балтийским морями. Польские амбиции распространялись на Украину, Белоруссию, Литву, Латвию, Эстонию, Молдавию, Венгрию, Румынию, Югославию, Чехословакию и Финляндию. По плану Пилсудского, эта новая Речь Посполитая должна была доминировать в Восточной Европе и противостоять Германии и России.

Хотя Рижский мир 1921 г. и зафиксировал провал польских планов по полному захвату Украины и Белоруссии, Варшава до 1939 г. так и не отказалась от своей мечты о Междуморье. Не помог и Договор о ненападении между СССР и Польской Республикой от 25 июля 1932 г. В Москве были уверены, что Пилсудский и его наследники лишь ждут подходящего случая, чтобы вновь начать наступление на Минск, Киев и Смоленск.

Амбиции Варшавы не останавливались на Междуморье. Чтобы усилить шансы на успех, Пилсудский выдвинул политический проект «прометеизм» (польск. *Prometeizm*), который ставил целью ослабление и расчленение Советского Союза с помощью поддержки национал-сепаратистских движений: в этом случае Польша, как Прометей огонь людям, несла бы свободу угнетённым советской властью народам. Третий рейх продолжил эту логику военными средствами, создавая национальные легионы СС. Забегая вперёд отметим, что в годы холодной войны «роль Прометея» взяли на себя спецслужбы США, и к концу 1980-х гг. проект вместе с другими мерами принёс результат, катастрофический для Советского Союза.

В 1934 г. опасения Москвы ещё больше усилились после подписания Декларации о неприменении силы между Германией и Польшей и участия Варшавы в разделе Чехословакии в 1938 г. совместно с нацистами¹. В руководстве СССР были убеждены, что при определённых условиях Польша не упустит возможности принять участие в наступлении Германии на Восток.

Через 25 лет после неудачной Варшавской битвы Красная армия всё же вошла в польскую столицу по дороге к Берлину. На дворе был 1944 г., и судьбы мира уже решались без поляков. Хотя «Польский вопрос» и был

одним из предметов горячего обсуждения в Тегеране, Ялте и Потсдаме, сами поляки теперь практически не могли повлиять на его разрешение. Вторая Речь Посполитая, запутавшись в собственных дипломатических манёврах, авантюрах и одурманенная мечтой о Междуморье, осенью 1939 года рухнула под натиском германской военной машины. Лондонское польское правительство в изгнании, хотя и считало себя единственной легитимной властью, находилось в большой зависимости от западных союзников, их планов и фактически не участвовало в освобождении страны.

Люблинский комитет, созданный летом 1944 г. после начала освобождения Красной армией польских земель, поддерживал тесные и дружественные связи с Москвой. В мае 1943 г. на основании обращения активистов Союза польских патриотов Государственный комитет обороны СССР принял постановление № 3294сс «О формировании на территории СССР польской стрелковой дивизии им. Тадеуша Костюшко». Боевое крещение она приняла 12–13 октября 1943 г. под деревней Ленино Могилевской области. По мере освобождения от гитлеровцев территорий Украинской и Белорусской ССР, а потом и самой Польши, число поляков, воевавших с немцами, постоянно росло. Весной 1945 г. в Германии сражались две полевых армии Войска Польского. 24 июня 1945 г. лучшие польские воины приняли участие в Параде Победы на Красной площади. Руководство современной Польши не хочет вспоминать добрым словом тех поляков, которые плечом к плечу с красноармейцами сражались с нацистами.

Новые границы послевоенной Польши были определены в ходе дискуссий лидеров «Большой тройки». Они сохраняются до сих пор — у истоков современной Польша стояли Иосиф Сталин, Франклин Делано Рузвельт и Уинстон Черчилль. Новые границы практически совпали с территорией, где этнические поляки составляли большинство, за исключением Восточной Пруссии, когда Польше были переданы исторически населённые немцами земли. Вскоре после окончания Второй мировой войны Народная Польша стала составной частью социалистического содружества государств и получила стремительное восстановление страны, поставки дешёвого сырья, товаров и быструю индустриализацию.

Сотрудничество Польской объединённой рабочей партии (ПОРП) с Москвой не означало статус сателлита. Ни Владислав Гомулка, ни Эдвард Герек не были лишь послушными исполнителями воли Кремля. Напротив, они порой весьма твёрдо и даже резко отстаивали собственные интересы, вынуждая руководителей СССР идти на уступки. Отношения польской и советской правящих партий, как становится сейчас понятно из архивных документов, строились на сложной системе взаи-

мозависимостей. Период 1945—1989 гг. был временем вовлечения обоих государств в большой наднациональный интеграционный проект. Казалось, химеры Междуморья навсегда остались в прошлом, а Варшава и Москва могут теперь взаимовыгодно сотрудничать. За последнее столетие именно период Народной Польши был самым лучшим для двусторонних отношений.

Однако по мере общей эрозии социалистического блока, при активном участии США в расшатывании единства Востока, ситуация в Народной Польше осложнилась. Всё громче заявлял о себе оппозиционный профсоюз «Солидарность» — крупный подрывной проект, разработанный главой Совета национальной безопасности США Збигневом Бжезинским и реализованный при активном участии Ватикана. Такие действия в самом центре социалистического блока в Европе вызвали все большее беспокойство в СССР. В какой-то момент даже обсуждался вопрос возможного использования советских войск, если польским властям не удастся взять под контроль ситуацию в стране.

Но ответственность за страну взял на себя авторитетный военный руководитель генерал Войцех Ярузельский, быстро сумевший стабилизировать положение в ПНР. В немалой степени этому поспособствовала и масштабная финансово-экономическая помощь со стороны СССР. С началом перестройки Ярузельский, несмотря на свой несколько брутальный образ, оказался в числе тех восточноевропейских лидеров, кто поддержал новый курс Михаила Горбачёва. Очень скоро, впрочем, стало понятно, что Москва постепенно уходит из Восточной Европы. Это, а также системный политический кризис в ПОРП и рост оппозиционных настроений, привели к демонтажу ПНР через механизм «круглых столов» — системы компромиссов между старым партийно-государственным аппаратом и большинством лидеров оппозиции. Результатом этого компромисса и стала новая польская государственность, Третья Польская Республика (*III Rzeczpospolita Polska*). Она открыто объявила себя продолжателем традиций «исторической Польши», Польши Пилсудского и его преемников. Сначала исподволь, а потом всё громче, политики и интеллектуалы заговорили о политическом наследии маршала Пилсудского.

В стране была проведена рыночная «шоковая терапия» и радикально преобразована политическая система. Это, казалось, открыло возможности для выстраивания принципиально новых отношений с Россией, которая также выбрала схожий путь развития в тот период. Ничего подобного, однако, не произошло ни в 1990-е, ни в 2000-е гг. Не помогли ни примирительные исторические заявления и жесты, нередко звучавшие из Москвы в это время, ни объективная взаимная экономическая заинтересованность двух стран. Негативному развитию двусто-

ронного диалога в немалой степени способствовал новый внешнеполитический курс Варшавы. Очень скоро стало понятно, что руководство Третьей Речи Посполитой вновь обращается к старой внешнеполитической доктрине — Междуморью, которая стремительно вернулась в пространство общественно-политических дискуссий.

Добившись вывода советского (российского) военного контингента, поляки тут же принялись искать союзника-патрона. Он был найден в лице США и НАТО. Даже предельно лояльная Вашингтону команда главы российского МИД Андрея Козырева была неприятно удивлена и протестовала против курса Польши на немедленное присоединение к альянсу. Став членом НАТО (1999) и ЕС (2004), Польша проявила себя настолько услужливым партнёром США, настолько готовым участвовать во всех авантюрах Вашингтона, что некоторые европейские авторы даже стали называть страну «троянским ослом» США в Европе.

По мере углубления трансатлантического отчуждения, все заметнее становилось стремление Варшавы играть на американско-европейских противоречиях. Польша надеялась таким образом усилить свой вес в Европе, а также использовать потенциал обеих организаций, для реализации стратегии Междуморья — усиления собственного влияния в регионе, в первую очередь на пространстве ближнего зарубежья России. Именно Варшава была инициатором и стояла в авангарде процессов, связанных с продвижением европейских и атлантических структур на Восток. Польша совместно со Швецией выступила с инициативой «Восточного партнёрства» (2008), которое способствовало процессам, разрушившим Украину в 2014 г.

Попытки вернуться к прагматическим отношениям между Россией и Польшей в эти годы неизменно оканчивались провалом. Владимир Путин и Дональд Туск на определённом этапе пытались найти приемлемый формат диалога, «оставив историю историкам». Большое эмоциональное и политическое значение имело посещение Путиным в 2009 г. мероприятий в Гданьске, связанных с 70-летием начала Второй мировой войны, и его долгая доверительная беседа с Туском на берегу Балтийского моря. Был создан формат так называемого «Калининградского треугольника» — ежегодных встреч министров иностранных дел России, Польши и ФРГ. Эта практика, направленная на развитие трёхстороннего сотрудничества в области политики и экономики, а также взаимодействия регионов и городов, должна была способствовать преодолению навязчивого и иррационального польского страха «германо-российского сговора». После аварии польского Ту-154 в 2010 г., когда погибли президент Польши Лех Качиньский и сопровождающие его лица, президент Дмитрий Медведев объявил в России общенациональ-

ный траур и лично посетил траурную церемонию в Кракове. Эти усилия, казалось, могли способствовать сближению и преодолению предвзвешенности, накопившихся между странами. Ничего подобного, однако, так и не произошло. Польская стратегия на Востоке, способствовавшая украинскому кризису, ознаменовала новое долгосрочное обострение российско-польских отношений.

Хотя текущий кризис имеет под собой вполне понятные политические основания, он также базируется на исторических страхах и комплексах большей части польской политической элиты. Неврозы, связанные с историей разделов Польши в конце XVIII в. и трудной судьбой в XX в., активно используются польскими националистами и традиционалистами для выстраивания агрессивной национальной идентичности. Так называемая «историческая политика», взятая на вооружение национал-консерваторами из партии братьев Качиньских «Право и справедливость», построена на страхе и ненависти к другим. Прежде всего к немцам и русским, а также к тем полякам, кто всё же готов вести диалог с Москвой и Берлином. Что говорить, если даже отец действующего премьер-министра Польши Корнель Моравецкий, депутат и активист антикоммунистической оппозиции в ПНР, подвергся настоящей травле со стороны СМИ и политического класса, когда незадолго до смерти признал, что «в интересах и наших народов, и в интересах Европы, и даже в интересах всего мира улучшение отношений между Польшей и Россией».

Извращённая «историческая политика» является одним из идеологических оправданий возвращения Варшавы к курсу на строительство Междуморья. В рамках «исторической политики» возрождаются, создаются и культивируются совершенно антинаучные представления о прошлом Польши и её отношениях с соседями. Польские политики целенаправленно актуализируют самые трудные сюжеты прошлого в настоящем. В рамках этой политики проходит и так называемая десовиетизация — цинично уничтожаются монументы воинам-освободителям, изгнавшим нацистов с польской земли. Сегодня польские национал-клерикалы пытаются представить страну единственным «бастионом христианских ценностей» Европы, вечно сражающимся с мусульманами, «варварами» или «тоталитарными режимами». При этом всячески замалчиваются и искажаются нелюбимые страницы истории Польши, связанные с её внешней агрессией и внутренней ксенофобией, включая антисемитизм. Согласно новой исторической мифологии «Права и справедливости», ключевым элементом консолидации нации, наряду с католическим традиционализмом и «исторической политикой», должна быть русофобия и бесконечное раскручивание истерии вокруг мифической «русской угрозы».

Российская сторона пыталась игнорировать «историческую политику» Польши, руководствуясь тем принципом, что «историю нужно оставить историкам». Но принятая 19 сентября 2019 г. резолюция Европарламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», согласно которой причиной Второй мировой войны был назван «подписанный коммунистическим Советским Союзом и нацистской Германией Договором о ненападении», в преддверии 75-летия Победы прозвучала особенно кощунственно. Ведь именно польские депутаты Европарламента были в числе главных инициаторов и организаторов принятия этого антиисторического документа. Ещё одной важной причиной этого наступательного манёвра стало наметившееся улучшение отношений Россия — ЕС, которое не устраивает русофобские круги.

В декабре 2019 г. президент Владимир Путин на коллегии Министерства обороны России в необычно резких для него выражениях высказался о польской внешней политике предвоенного периода. Глава российского государства сделал особый акцент на участии Второй Речи Посполитой в разделе демократической Чехословакии вместе с нацистской Германией и Венгрией, и на антисемитизме, процветавшем в межвоенной Польше. Это было очень болезненно воспринято в Варшаве. Последовал вызов российского посла в польский МИД и гневный ответ премьер-министра Матеуша Моравецкого. Со ссылками на Александра Солженицына в заявлении повторялся известный тезис, о том, что Польша якобы стала жертвой «двух тоталитарных режимов», а Германско-советский договор о ненападении 1939 г. был «политическим и военным союзом, делившим Европу на две сферы влияния» и привёл к войне².

Вследствие этого президент Польши Анджей Дуда отказался от участия во Всемирном форуме памяти Холокоста в Израиле, поскольку главным гостем там был российский президент Путин. На фоне участия в этом мероприятии лидеров Германии, Франции, Италии и других государств это выглядело как нежелание Варшавы однозначно осудить антисемитизм, процветавший в Польше значительную часть прошлого века. Затем 9 января 2020 г. польский Сейм, отвечая российскому лидеру, принял очередную резолюцию, согласно которой «к началу Второй мировой войны привели две тогдашние тоталитарные державы: гитлеровская Германия и сталинский Советский Союз, а после заключения 23 августа 1939 г. в Москве позорного пакта Молотова—Риббентропа первыми жертвами обоих тоталитарных режимов стали Польша и государства Центральной и Восточной Европы». Показательно то, что за откровенно антироссийскую резолюцию дружно проголосовали все фракции Сейма. Тем самым политическая элита Польши в очередной раз показала России и всему миру, что, несмотря на острые дискуссии

между польскими политиками по внутривластным вопросам, против России они выступают единым фронтом. Единение практически всего политического спектра Польши на фундаменте антироссийской политики перечёркивает надежды на нормализацию отношений между государствами в ближайшем будущем.

Продолжающийся российско-польский спор об истории, конечно, не является исключительно историческим. Он о будущем, будущем Восточной Европы и всего континента. Ведь, раздувая исторические страхи и искажая прошлое, Варшава одновременно пытается консолидировать на антироссийской повестке весь восточноевропейский регион. Одновременно с этим Польша остаётся самым «атлантическим» государством ЕС. Активно поддерживая агрессивную политику администрации президента США Дональда Трампа по развёртыванию в регионе американской военной инфраструктуры, Варшава даже не пытается скрывать тот факт, что стремится торпедировать наметившееся сближение между Россией и странами Западной Европы, Францией и ФРГ. Спустя сто лет Польша вновь пытается создать Междуморье.

Символично, что, выступая в февраля 2020 г. на Мюнхенской конференции по безопасности, госсекретарь США Майк Помпео поместил в центр своего внимания именно Восточную Европу. По его словам, США выделяют 1 млрд долларов государствам, которые входят в Инициативу трёх морей — современную инкарнацию старого проекта Междуморье, о которой мы ещё поговорим подробнее. В Вашингтоне рассчитывают с помощью восточноевропейцев вбить клин между Россией и Западной Европой.

Символично, что, выступая в феврале 2020 г. на Мюнхенской конференции по безопасности, государственный секретарь США Майк Помпео поместил в центр своего внимания именно Восточную Европу. По его словам, США выделяют 1 млрд долларов государствам, которые входят в Инициативу трёх морей — современную инкарнацию старого проекта Междуморье, о которой мы ещё поговорим подробнее. В Вашингтоне рассчитывают с помощью восточноевропейцев вбить клин между Россией и Западной Европой.

В представленном сборнике мы говорим как об истории феномена Междуморья — политики по консолидации Восточной Европы под польским лидерством, направленной против России и Германии — так и о современности. Мы собрали коллектив крупнейших специалистов, сотрудников ведущих российских университетов, профильных академических институтов и авторитетных независимых экспертных центров. Обращаясь к широкой аудитории, учёные изложили результаты своих многолетних исследований максимально понятным и доступным язы-

ком. Мы готовы были дать слово и противоположной стороне, при условии, что диалог не выльется в перебранку, но поиск квалифицированных польских экспертов оказались трудной задачей. Таково печальное влияние политической атмосферы двусторонних отношений на диалог учёных. Лишь благодаря содействию представительства германского Фонда Конрада Аденауэра в Москве удалось пригласить к работе доктора Рафала Риделя из Опольского университета. Несомненно, общий тон и отдельные утверждения доктора Риделя, вроде сетований на «аннексию Крыма», вызовут обоснованные возражения со стороны российского читателя. Его материал показывает, как видят реальность даже те польские аналитики, кто в целом готов к диалогу с российскими коллегами.

Сборник состоит из нескольких частей, знакомство с которыми даст читателю представление об истории, идеологических основаниях и современном этапе борьбы Польши за доминирование в Восточной Европе.

В первом разделе «Из истории борьбы Польши за региональное доминирование в начале XX в.» представлена две работы. Крупнейший специалист по истории межвоенной Польши Геннадий Филиппович Матвеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории южных и западных славян Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, подготовил статью «Советско-польская война и два сценария для Восточной Европы». В ней он подробно описал «приводные ремни» этого конфликта и его идеологическую составляющую. Особого внимания заслуживает вывод профессора Матвеева о том, что в начале 1919 г. «никакого марша на Варшаву и вообще вторжения в этнографическую Польшу советское военно-политическое руководство не планировало».

В совместной статье сопредседателя фонда «Историческая патриотика» Александра Владимировича Макушина и кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Центра истории войн и геополитики Института всеобщей истории Российской академии наук Дмитрия Викторовича Суржика «Крах — цена ошибочных военно-политических расчётов: военная машина Второй Речи Посполитой» сделан широкий и подробный обзор военного строительства в межвоенной Польши. Анализируя многочисленные статистические данные, авторы убедительно показывают, как в 1920–1930-е гг. Вторая Речь Посполитая готовилась к большой войне в Восточной Европе и объясняют, почему эти приготовления в конечном итоге обернулись сентябрьской катастрофой 1939 г.

Второй раздел «Прометеизм как идеологическое основание “восточной политики” Польши» состоит из трёх статей и посвящён исследованию феномена «прометеизма». В центре статьи доктора исторических

¹²⁶ <http://www.new.org.pl/>; дата обращения 24.07.2019.

¹²⁷ Ян Новак-Езораньский — многолетний директор польского отделения радиостанции «Свободная Европа».

¹²⁸ <http://www.kew.org.pl/kew/>; дата обращения 22.07.2019.

¹²⁹ <https://pafw.pl/osoba/andrew-nagorski-2/>, <http://www.andrewnagorski.com/>; дата обращения 23.07.2019.

¹³⁰ <https://pafw.pl/rada-dyrektorow/>; дата обращения 23.07.2019.

¹³¹ <https://www.osw.waw.pl/pl/>; дата обращения 24.07.2019.

¹³² <http://nowyprometeusz.pl/o-nas/>; дата обращения 24.07.2019.

¹³³ <https://studium.uw.edu.pl/konferencje/konferencja-prometejska/edycje-konferencji-prometejskiej/>; дата обращения 21.07.2019.

¹³⁴ Kornat M. Kilka refleksji o losach idei prometejskiej. URL: <http://nowyprometeusz.pl/wp-content/uploads/2018/12/NP12-Kornat.pdf>; дата обращения 25.07.2019.

¹³⁵ Ibid. S. 90–91.

¹³⁶ Делегации шести стран покинут сессию ПАСЕ после восстановления России // Известия. 2019. 26 июня. URL: <https://iz.ru/893211/2019-06-26/delegacii-shesti-stran-pokinut-sessiu-pase-posle-восстановleniia-rossii>; дата обращения 4.08.2019.

¹³⁷ Яндиева М. Д. По кодексу чести. Ингушское зарубежье // Новости Грозного. 1991. 2 сентября; Яндиева М. Д., Мальсагов А. А. Общекавказская государственность: вчера, сегодня, завтра // Сердало. 1999. № 51–56; Яндиева М. Д. Вассан-Гирей Джабагиев: возвращение забытого имени // Материалы международной научной конференции «Исмаил Гаспринский — просветитель народов Востока». М., 2001; Яндиева М. Д., Газиков Б. Д. Ингушская политическая публицистика 50-х гг. XX в. В.-Г. Джабагиев на страницах журнала «Свободный Кавказ». Назрань-Москва, 2003, и др.

¹³⁸ Джабагиев В.-Г. Что нужно Кавказу? // Санкт-Петербургские ведомости. 1905. № 117.

¹³⁹ Джабагиев В.-Г. Инородцы и Россия // Санкт-Петербургские ведомости. 1907. № 224.

«ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА» ГЕДРОЙЦА-МЕРОШЕВСКОГО ИЛИ «ПРОМЕТЕИЗМ 2.0»?

Дмитрий Буневич

Несмотря на фундаментальные стратегические изменения, произошедшие в Европе в конце XX в., константой отношений России и Польши продолжает оставаться разница их потенциалов. Она характеризуется превосходством России в территориальных, демографических и военно-стратегических ресурсах¹. Для преодоления этой асимметрии руководство постсоциалистической Польши пыталось применить новые внешнеполитические подходы, связанные с приходом в общественную жизнь польской эмигрантской мысли². Ключевым её элементом стала концепция новой «восточной политики» Польши Е. Гедройца (1906–2000) и Ю. Меровшевского (1906–1976).

Гедройц был самым известным польским публицистом-эмигрантом и главным редактором знаменитого польского журнала «Культура», издававшегося во Франции с 1947 г. Мерошевский — его единомышленником и другом, также работавшим в «Культуре» и других эмигрантских изданиях. В популярной интерпретации концепция Гедройца–Меровшевского базировалась на представлении о том, что Польша, отказываясь от имперских амбиций в духе Ю. Пилсудского, должна стремиться к выстраиванию равноправных и взаимовыгодных отношений со своими соседями. Это должно помочь ей сбалансировать диалог с Россией и обезопасить себя от неё в случае гипотетической угрозы³.

Согласно концепции, ключевое значение для российской политики в отношении Польского государства имеет ситуация в странах Восточной Европы — Украине, Литве и Белоруссии. Контроль Москвы над этими странами открывает путь к установлению российского господства в Польше, а их независимость является фактором, прямо способствующим

щим сохранению Варшавы в качестве суверенного игрока. Гедройц исходил из того представления, что относительно развитая в экономическом, политическом и культурном смысле Польша должна стать своеобразным «проводником» Востока в Европу. Он полагал также, что независимая Польша должна уделять особое внимание сотрудничеству с Украиной, для чего необходим «процесс примирения с украинским народом»⁴. Украина, по мысли Гедройца, является частью западной цивилизации, и историческая миссия поляков заключается не в имперской Ягеллонской идее⁵, а в дружественной поддержке строительства демократических национальных государств украинцами, а также белорусами и литовцами⁶. В отношении самой России Гедройц предлагал начать процесс нормализации отношений и преодоления исторических обид: «Мы знаем лишь то, какой вред причинила нам Россия, и русские также видят нашу страну в искажённом свете. Это можно изменить только с помощью упорного труда, прежде всего идя путём культурного сотрудничества»⁷.

Выстраивание конструктивных отношений с Россией было всё же второстепенной задачей в рамках этой концепции, а на первом месте стояло укрепление связей Польши с независимыми национальными украинским, литовским и белорусским государствами. Даже польские эксперты признавали, что в основе доктрины Гедройца–Мерошевского «лежало глубокое убеждение в том, что Украина и Белоруссия настроены достаточно антиросийски»⁸. Вместе с тем концепция Гедройца–Мерошевского «внесла вклад в деимпериализацию польского мышления о Восточной Европе, ликвидируя искушения реваншизма, что следует считать одним из важнейших достижений польской политической мысли»⁹.

Действительно, Гедройц пользовался большим авторитетом среди польского политического класса. Например, в ходе своего первого заграничного визита в качестве главы государства в Париж А. Квасьневский в 1995 г. счёл необходимым встретиться с ним, а советник президента Е. Помяновский утверждал впоследствии, что именно беседа с Гедройцем, прожившим более полувека вне Польши, позволила третьему президенту пересмотреть польскую политику на Востоке¹⁰.

Можно было бы предположить, что основные цели «восточной политики» оказались достигнуты уже 1991 г., когда стали независимыми государствами Украина, Литва и Белоруссия. В действительности, этим были лишь заложены основы польско-российского противостояния, связанного с разным видением нового порядка в регионе. Поляки полагали, что молодые государства должны двигаться по пути «системной трансформации»: либерализация, рынок и ускоренная интеграция в евроатлантические структуры. Для Москвы же характер политической или экономической системы, которая сложится в новых независимых странах, изначально не

имел принципиального значения. Главным было сохранение их военно-стратегических, экономических и гуманитарных связей с Россией.

Вопреки тезисам Гедройца, Литва вскоре перестала рассматриваться в Польше как одно из направлений «восточной политики». Об этом прямо заявил министр иностранных дел В. Бартошевский в 1995 г., отметив, что не хочет объединять Литву с Россией, Украиной и Белоруссией, потому что «сегодня литовцы обостренно реагируют на это»¹¹. Литва после распада Советского Союза полностью дистанцировалась от своего советского прошлого и стран СНГ, взяв, как и Польша, курс на европейскую и атлантическую интеграцию. Таким образом, под «восточной политикой» польские лидеры в действительности понимали, прежде всего, политику в отношении постсоциалистических стран, которые продолжали ориентироваться на Москву или, во всяком случае, колебались между Россией и евроатлантическим курсом.

В начале 1990-х гг. польско-российское противостояние в Восточной Европе ещё не было столь острым. Негативные тенденции начали всё заметнее проявляться с 1993–1994 гг., когда стало понятно принципиальное различие в российском и польском понимании стратегического развития региона. Программным выражением российского взгляда стала Концепция внешней политики, а также военная доктрина страны 1993 г., где появились положения об особой ответственности России на пространстве «так называемого ближнего зарубежья»¹². Реакция Польши на эти изменения была обеспокоенной. Тогдашний глава польского МИД А. Олеховский заявил: «Очевидным образом нас беспокоят мнения об “особых интересах” и “особой роли” России на Украине. Такие подходы не способствуют стабильности в Европе. Мы их не принимаем, глубоко веря, что независимость Украины способствует в долгосрочном периоде также развитию демократии и экономики России»¹³. Москву, в свою очередь, раздражало стремление Польши во что бы то ни стало присоединиться к НАТО. Кроме того, Польша регулярно выступала с публичной критикой России за операцию в Чечне¹⁴.

Россия, тем не менее, не отказывалась полностью от попыток найти компромисс с Польшей. Слова главы МИД И. С. Иванова о том, что Москва смирилась с новым статусом Варшавы как полноправного члена Североатлантического альянса и не возражает против вступления страны в ЕС, казалось, открыли возможности для аккуратной нормализации отношений¹⁵. И действительно, в период 2001–2004 гг. обе страны публично заявляли о взаимном уважении интересов в регионе. Определённое развитие получило сотрудничество в области энергетики и инвестиционных программ. Шёл диалог по трудному Катынскому вопросу¹⁶. Отметим, что происходило на фоне общего потепления отношений

между Россией и Западом, наметившегося поле террористических атак 11 сентября и продолжавшимся вплоть до начала войны в Ираке в 2003 г.¹⁷ Польша как новый член НАТО и кандидат на вступление в ЕС не могла тогда себе позволить слишком явно проводить «восточную политику», которая бы осложняла отношения её союзников с Россией.

Тем не менее Варшава и в этот период не отказалась от целей своей «восточной политики». Польша стремилась укрепить влияние на Украине и в Белоруссии, используя возможности и инструментарий, предоставленный ЕС и НАТО. В 2001 г. польский МИД подготовил декларацию «Восточная политика Евросоюза в преддверии расширения ЕС в страны Центральной и Восточной Европы», которая провозглашала в качестве общеевропейской задачи «на востоке» необходимость «убедить политические элиты и общества стран СНГ в преимуществах от ориентации на сотрудничество с ЕС»¹⁸. Это было уникальное событие: ещё не став членом Евросоюза, Польша пыталась сформулировать политику ЕС в отношении целого региона. В России же польские предложения были встречены с серьёзным раздражением¹⁹.

После присоединения к ЕС в 2004 г. Варшава предприняла усилия к пересмотру в духе декларации Европейской политики соседства, которая изначально адресовалась странам, не имевшим перспективы членства в Евросоюзе, и выступала в качестве альтернативы ему²⁰. Переломным для польской политики на Востоке стал рубеж 2004–2005 гг. Ещё осенью 2004 г. в ходе своего очередного визита в Москву А. Квасьневский с оптимизмом отмечал, что «демократическая, плюралистическая, стабильная и развивающаяся Россия — это надежда всего демократического мира и Польши»²¹. Но уже вскоре между двумя странами выявились серьёзные противоречия, в основе которых лежало неприятие Москвой активизации польской политики, направленной на ослабление российского влияния в «ближнем зарубежье». Свидетельством это стало активное участие польского президента в украинском кризисе 2004–2005 гг., который был разрешён в январе к явному неудовольствию Москвы²². Польская пресса не скрывала своего восторга от поражения России в ходе «оранжевой революции»: «Рухнул один из последних мифов геополитики XX в., будто Украина обречена быть буфером и сателлитом России. Только на развалинах этого мифа можно построить новую Европу»²³.

Ещё явственнее эта тенденция обозначилась после электорального цикла 2005 г., когда к власти в Варшаве пришли националистически настроенные консервативные католики из партии «Право и справедливость». Её лидеры братья-близнецы Я. и Л. Качиньские выбрали конфронтационную внешнеполитическую стратегию. Опираясь на некоторые теоретические положения концепции Гедройца–Мерошевского, они

сделали своей целью «укрепление независимости» постсоветских стран. Вероятно, братья Качиньские просто совместили концепцию Гедройца–Мерошевского с некоторыми взглядами З. Бжезинского. Согласно которому, Россия без Украины является «простым государством», а Россия с Украиной автоматически становится «евразийской империей»²⁴.

Период 2005–2010 гг. прошёл под знаком последовательной реализации нового прочтения «восточной политики» — активной конкуренции с Россией за влияние в бывших республиках Советского Союза. Борьба включала несколько измерений: политическое, военно-стратегическое, экономическое и гуманитарное. Ключевым элементом конкуренции явилось поддержка Польшей вовлечения постсоветских стран в атлантические проекты. «Пределно важно сохранить двери НАТО открытыми для тех государств, которые желают и готовы присоединиться к организации. Никто не должен удивляться, что Польша остаётся сторонником евроатлантических устремлений Украины и Грузии и верит, что сотрудничество с этими странами важно для альянса», — говорил в 2009 г. министр обороны Польши Б. Клих²⁵.

Именно по предложению Польши Европейским союзом в 2008 г. была принята программа «Восточное партнёрство», которая распространялась на Украину, Молдавию, Армению, Грузию, Азербайджан, Молдавию и в определённой степени — Белоруссию. Внутри страны инициативу поддерживали как национал-консерваторы, контролировавшие Бельведерский дворец, так и либералы из «Гражданской платформы», сформировавшие правительство по итогам парламентских выборов 2007 г. Был продемонстрирован консенсус элит Польши по вопросу приоритетов восточной политики, базирующейся на концепции Гедройца–Мерошевского.

При обсуждении «Восточного партнёрства» в Совете ЕС и Европарламенте его инициаторы утверждали, что «стратегическим императивом и одновременно политической инвестицией Евросоюза» должна быть поддержка стремления стран постсоветского пространства провести демократические и рыночные реформы для сближения с ЕС²⁶. Эта политика продолжала принципы, ещё в 1953 г. провозглашённые «Культурой»: «Мы утверждаем, что участвовать в будущем европейском федеративном союзе имеют право не только народы, обладавшие независимыми государствами в 1939 году, но также и украинцы с белорусами»²⁷.

Вполне в духе теории Гедройца–Мерошевского диалог Евросоюза с Украиной в рамках «Восточного партнёрства» строился с позиций дихотомии: либо сотрудничество с Брюсселем, либо с Москвой. Внутри польского экспертного сообщества, однако, звучали отдельные голоса скептиков, призывавших обратить внимание на конфликтный потенциал «Восточного партнёрства» и на угрозу провоцирования кризиса

между Евросоюзом и Россией. Так, в 2011 г. польский исследователь и впоследствии (2014–2016) посол в России К. Пелчиньска-Наленч обращала внимание на то, что программа не способствует сближению государств ЕС и, напротив, демонстрирует наличие существенных разногласий между ними по вопросу выстраивания отношений с Россией и государствами постсоветского пространства²⁸.

Ярким примером практического воплощения теоретических подходов Гедройца–Мерошевского стало участие президента Польши Л. Качиньского в ситуации вокруг грузино-осетино-российского конфликта в августе 2008 г. Польский лидер в разгар кризиса посетил Тбилиси и 14 августа выступил с категорической поддержкой президента Грузии М. Саакашвили, возложив всю ответственность за конфликт на Россию. Поддержка антироссийского курса правительства Саакашвили была не случайным эпизодом, а закономерным продолжением линии на создание и развитие образованного в 2005 г. «Содружества демократического выбора». Это был своеобразный «антироссийский клуб», куда вошёл целый ряд постсоциалистических (преимущественно, постсоветских) государств, ориентированных на атлантический вектор интеграции²⁹. В гуманитарной сфере польская политика на восточном направлении опиралась как на присутствие своих гражданских и окологосударственных структур в бывших республиках СССР, так и на всё большую активность польской Католической церкви на Украине и в Белоруссии. Стоит отметить, впрочем, что такая деятельность Костёла вступала в прямое противоречие с идеями Гедройца, который подчёркивал, что католический прозелитизм на Востоке «противоречит интересам польского государства»³⁰.

Приход в 2007–2010 гг. либерально-консервативной администрации Д. Туска и Б. Коморовского обозначил постепенную (и временную!) коррекцию польской политики на Востоке. Реакцией на слова Президента России Д. А. Медведева, заявившего в 2009 г. на саммите Россия–ЕС, что «мы не хотели бы, чтобы “Восточное партнёрство” превратилось в партнёрство против России»³¹, стала польская инициатива по созданию группы друзей «Восточного партнёрства», куда была приглашена и Москва³². Парадоксальным образом частичной нормализации отношений двух стран способствовала и катастрофа Ту-154 под Смоленском 20 апреля 2010 г., в результате которой погибли президент Польши Л. Качиньский с супругой и другие высокопоставленные лица. Подчёркнутое внимание к этому трагическому событию российского президента³³, объявившего общенациональный траур в России, его видеообращение со словами поддержки к польскому народу, а также многочисленные искренние соболезнования, высказанные простыми гражданами страны, способствовали улучшению отношений двух народов³⁴.

Уже в ноябре 2010 г. недавно избранный президент Б. Коморовский заявил о необходимости переосмысления политического наследия Гедройца и отказа от принципа, согласно которому постсоветские страны должны делать выбор между Россией и Евросоюзом³⁵. Не отказываясь полностью от принципов «восточной политики», он вновь предлагал Польше свою более гибкую и менее конфликтную их редакцию: «Наша вечная проблема состоит в том, что по отношению к России мы чувствуем своё цивилизационное и культурное преимущество и вместе с тем отсутствие силы»³⁶.

В период 2010–2011 г. консервативно-либеральная и проевропейская часть политической элиты Польши взяла курс на постепенное снижение до «необходимого минимума» своих лоббистских усилий по вопросу сближения с ЕС и НАТО государств постсоветского пространства. Могло показаться, что к 2012 г. Польша в целом отказалась от теории Гедройца–Мерошевского в качестве глобальной стратегии на Востоке или кардинально пересмотрела её. Однако эти корректировки внешней политики на восточном направлении не были результатом консенсуса политической элиты. Многие национал-консерваторы продолжали считать «восточную политику» Качиньских в целом правильной и критически отнеслись к корректировке, осуществлённой «Гражданской платформой»³⁷.

В это же период Россия попыталась в форме Евразийского союза начать частичную реинтеграцию пространств Восточной Европы, которые в последние 250 лет так или иначе считались зоной её влияния³⁸. Опасения, вызванные этим процессом, привели Варшаву к новой активизации «восточной политики». Этому же способствовало нарастание в 2012–2013 гг. напряжённости внутри и вокруг Украины в рамках реализации программы «Восточное партнёрство». Польские представители всеми силами стремились добиться прогресса в переговорах Киева и Брюсселя. Всё более очевидным в этот период становилось противопоставление политики «Восточного партнёрства» и предложенного Россией собственного интеграционного проекта.

Неслучайно, что в именно начале 2013 г. была утверждена «Стратегия развития системы национальной безопасности Республики Польша до 2022 г.»³⁹ и приняты законы о финансировании противоракетной и противовоздушной обороны и модернизации вооружённых сил. Тогда же на официальном уровне вновь было подтверждено стремление Польши вернуться к теме размещения на её территории элементов американской ПРО. Разумеется, это вызвало новую волну беспокойства и раздражения со стороны России⁴⁰. Польша последовательно усиливала военно-политическое напряжение в восточноевропейском регионе накануне решающего саммита «Восточного партнёрства», который должен был внести ясность в будущее Украины.

На Вильнюсском саммите 28–29 ноября 2013 г. европейцы фактически предложили президенту Украины В. Ф. Януковичу подписать соглашение об ассоциации без каких-либо условий. Этот вариант был отвергнуто им из опасения разрыва экономических связей с Россией. Такое развитие событий способствовало разрастанию внутривосточного противостояния на самой Украине. Польша, бывшая самым главным лоббистом скорейшего подписания соглашения, выступила в числе главных сторонников занявшей киевский Майдан украинской оппозиции, требовавшей немедленного заключения соглашения с ЕС⁴¹.

Вильнюс показал, что польское понимание «восточной политики» строится не на экономическом базисе и распространении лучших европейских практик в государственном администрировании и правовой защите, а в отрыве постсоветских стран от России и усилении в них польского влияния, даже ценой гражданской смуты в этих государствах. Выступая в Сейме в разгар кризиса на Украине, который уже привёл к кровопролитию, глава МИД Р. Сикорский торжественно провозглашал: «...То, что происходит сейчас на Украине — это её возвращение на путь интеграции с ЕС и является реализацией основ польской внешней политики»⁴².

Спустя два года по итогам нового избирательного цикла партия «Право и справедливость» вновь пришла к власти. Национал-клерикалы избрали ещё более конфронтационный курс в отношении России, чем тот, что с 2013 г. проводило правительство «Гражданской платформы». Единственным существенным нововведением стало повышенное внимание к «исторической политике». При национал-консерваторах было зафиксировано понимание Волынской резни 1943–1944 гг. как геноцида польского народа, организованного украинскими националистами⁴³. Одновременно с этим в стране с новой силой начался процесс так называемой десоветизации, выразившийся в том числе в массовом уничтожении монументов, связанных с памятью об освобождении Польши Красной Армией от нацистской оккупации. Правительство «Права и справедливости» также активизировало военно-политическое сотрудничество с США и выступило, невзирая на мнение многих своих западноевропейских союзников, с инициативой строительства в стране крупной американской военной базы («Форт Трамп»).

Таким образом, после 1989 г. Варшава использовала лишь отдельные идеи из концепции Гедройца–Мерошевского. Отбросив антиимпериалистический и гуманитарный пафос мыслителей-эмигрантов, польские политики фактически вернулись к внешнеполитическим концепциям, которые подразумевали распространение польского влияния на Восток с основной целью — противодействовать русскому влиянию⁴⁴. Конечно, в новых условиях не могло быть и речи о присоединении

литовских, белорусских или украинских территорий к Польше. Ставка была сделана на признание и поддержание новых государств на Востоке. Но только в этой части программа Гедройца–Мерошевского и была выполнена. Ни переоценки собственной истории в части отношения к народам Востока, ни исторического примирения, ни равноправного и демократического сотрудничества с Украиной и Белоруссией, ни выстраивания новых и конструктивных отношений с Москвой не произошло. Напротив, с новой силой возобновилась борьба за Украину, что является одной из констант отношений Варшавы и Москвы на протяжении последних веков.

Польский политический класс предпочёл выборочное и весьма своеобразное прочтение концепции Гедройца–Мерошевского, выхолостившее всё его позитивное содержание. При этом политиками было полностью проигнорировано пророческое предупреждение Мерошевского: «...Мы сами должны отказаться раз и навсегда от Вильно, Львова и от какой-либо политики или планов, которые были бы направлены на установление в благоприятных условиях нашего господства на Востоке ценой вышеназванных народов. Поляки, как и русские, должны понять, что только неимпериалистическая Россия и неимпериалистическая Польша имели бы шанс установить и упорядочить свои взаимоотношения»⁴⁵.

Вместо новой «восточной политики» Варшава скорее продемонстрировала преемственность с внешнеполитическими доктринами Первой и Второй Речи Посполитой: Ягеллонской идеей и «прометеизмом» Пилсудского. Парадоксальным образом в рамках практической реализации концепции Гедройца–Мерошевского, декларировавших отказ от идеологии «прометеизма», произошёл ренессанс старых политических подходов. Они теперь не включали в себя элемент прямой экспансии польского государства, но являлись новой, осовремененной версией старой мессианской идеей — своеобразным «прометеизмом 2.0».

Возможно, своё влияние на выбор польской элитой именно такого прочтения идей Гедройца–Мерошевского оказало и политическое наследие папы Римского Иоанна Павла II. Ещё в 1991 г. папа-поляк отмечал, говоря о Белоруссии, Украине и Литве: «Мы знаем, насколько все эти территории на протяжении столетий были не предметом... польской колонизации, но территорией общего государства, общей Речи Посполитой, Commonwealth Польши, Литвы и Руси. Эти народы стремятся к своей автономии, к самоопределению, самостоятельности, в том числе и политической... Мы рады этому развитию, этому созреванию народов к востоку от нас»⁴⁶. Воссоздание в той или иной форме этого Commonwealth, кажется, и является стратегической целью наиболее агрессивных и иррациональных групп среди польской политической элиты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мальгин А. В. Внешнеполитические ресурсы России и пределы их реализации // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 4. С. 94–117.

² Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. акад. А. В. Торкунова, проф. А. Д. Ротфельда. М., 2010. С. 628.

³ Giedroyc J., Mieroszewski J. Rosyjski «kompleks polski» i obszar ULB // Kultura. 1974. № 9. S. 9–14.

⁴ Teczki Giedroycia pod red. L. Ungera, I. Hofman. Lublin, 2010, S. 116, 179.

⁵ В польской историографии и публицистике принято противопоставлять Ягеллонскую идею (*idea jagiellońska*) и Пястовскую идею (*idea piastowska*). Первая предусматривает стремление к созданию мультинационального, многоконфессионального государства, ориентированного на Восток в направлении Литвы, Белоруссии и Украины и конкурирующего с Россией. В то время как вторая концепция проповедует необходимость объединения этнических польских земель и строительства моноэтнического государства, географически скорее смещенного на северо-запад и конкурирующего с Германией за территории со сложной исторической судьбой, такие как Силезия.

⁶ Realizm, pragmatyzm, idealizm? // Tygodnik Powszechny. 22.04.2001. S. 88.

⁷ Teczki Giedroycia pod red. L. Ungera, I. Hofman, Lublin, 2010. S. 264.

⁸ Realizm, pragmatyzm, idealizm? // Tygodnik Powszechny. 22.04.2001.

⁹ Debski S. W elitarnym gronie // Nowa Europa Wschodnia. 2009. № 2 (IV). S. 22–24.

¹⁰ Pomianowski J. Gran ad urwiskiem // Rzeczpospolita. 13.08.2005.

¹¹ Bartoszewski W. Informacja ministra spraw zagranicznych o głównych kierunkach polityki zagranicznej Polski. 50. posiedzenie Sejmu, 25 maja 1995 г.

¹² Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. 1993. № 1–2. С. 3–23.

¹³ Wystąpienie Andrzeja Olechowskiego na posiedzeniu komisji spraw zagranicznych senatu w 1994 roku // Zbiór Dokumentów. 1994. № 1. S. 42–54.

¹⁴ Бухарин Н. И. Россия — Польша: Опыт двадцатилетних отношений: 90-е гг. XX в. — первое десятилетие XXI века. М.; СПб., 2014. С. 33.

¹⁵ Fedorowicz K. Stosunki polsko-rosyjskie w polityce wschodniej 1991–2001 // Sprawy Wschodnie. 2004. № 1. S. 50.

¹⁶ Волос М. Научное сотрудничество Польши и России: история, современность, планы на будущее // История и современность. 2008. № 2. С. 154–167.

¹⁷ Баталов Э. Я., Кременюк В. А. Россия и США: соперники или соратники? // США-Канада: ЭПК. 2002. № 6. С. 19–36.

¹⁸ The Eastern Policy of the European Union in the run-up to the EU's enlargement to include the countries of Central and Eastern Europe — Poland's viewpoint (official non-paper). Polish Ministry of Foreign Affairs. Warsaw. 2001. P. 8.

¹⁹ Debski S. «Polityka wschodnia» — mit i doktryna // Polski Przegląd Dyplomatyczny. 2006. № 3. S. 1.

²⁰ Wider Europe— Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours. Communication from the Commission to the European Council and

the European Parliament. Brussels. 11.03.2003. P. 4. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/com03_104_en.pdf; дата обращения 11.02.2020.

²¹ Квасневский А. Россия и Польша нуждаются в диалоге: лекция, прочитанная в Московском государственном университете им. Ломоносова // Новая Польша. 2004. № 10. С. 3.

²² Бухарин Н. И. Указ. соч. С. 45–46.

²³ Gazeta Wyborcza. 2004.12.27.

²⁴ Бжезинский З. Указ. соч. С. 62.

²⁵ Klich B. NATO: A view from Central Europe // Politique étrangère. 2009. № 4. P. 83–85.

²⁶ Eastern Partnership. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. Brussels. 03.12.2008. P. 15. [Электронный ресурс]. URL: http://eeas.europa.eu/eastern/docs/com08_823_en.pdf; дата обращения 11.02.2020.

²⁷ Nieporozumienie czy tani patriotyzm. Nota redakcji / Kultura. 1953. № 1. S. 82–83

²⁸ Pełczyńska-Nałęcz K. Szklany Mur // Nowa Europa Wschodnia. 2011. № 5. S. 46–58.

²⁹ В «сообщество демократий балто-черноморско-каспийского региона» вошли Литва, Латвия, Эстония, Украина, Грузия, Молдавия, Румыния, Македония, Словения.

³⁰ Teczki Giedroycia pod red. L. Ungera, I. Hofman, Lublin, 2010, S. 45.

³¹ Пресс-конференция по итогам саммита Россия — Евросоюз. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2009/05/22/0937_type63380_216699.shtml; дата обращения 11.02.2020.

³² Польша зовет Россию дружить с Восточным партнерством http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/05/100525_poland_friends_partnership.shtml; дата обращения 11.02.2020.

³³ Примечательно, что российский лидер посетил похороны Л. Качиньского и его супруги в Кракове, в то время как, ссылаясь на риски, связанные с вулканическим пеплом в атмосфере из-за извержения вулкана в Исландии, в траурных мероприятиях отказались принять участие президент США Барак Обама, президент Франции Николя Саркози, канцлер Германии Ангела Меркель, премьер-министр Италии Сильвио Берлускони, делегации из Великобритании и Испании, глава Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу и др. высокопоставленные союзники Польши по ЕС и НАТО.

³⁴ Волос М. Начало пути к нормализации? Российско-польские отношения в 2010 г. // История и современность. 2011. № 1. С. 210–222.

³⁵ Komorowski B. O wizji Jerzego Giedroycia // Rzeczpospolita. 09.11.2010.

³⁶ Komorowski B. Prawa strona. Życie, polityka, anekdota. Warszawa, 2005. S. 50.

³⁷ Rzeczpospolita. 08.08.2010.

³⁸ Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 3.10.2011.

³⁹ Strategia rozwoju systemu bezpieczeństwa narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2022 — przyjka uchwai № Rady Ministrów z dnia 9 kwietnia 2013 г. [Electronic resource]. URL: <http://mon.gov.pl/dokumenty/>; дата обращения 11.02.2020.

⁴⁰ Rosyjsko-polskie konsultacje w sprawie bezpieczeństwa // Polskie Radio «Gos Rosji», 27 February 2013 [Electronic resource]. URL: http://polish.ruvr.ru/2013_02_27/Rosyjsko-polskiekonsultacje-na-temat-bezpieczenstwa; дата обращения 11.02.2020.

⁴¹ *Пономарева Е., Шишелина Л.* Председательство Латвии в ЕС-2015: «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией / Аналитический доклад, М., 2014. С. 29–30.

⁴² Informacja Ministra Spraw Zagranicznych Radosława Sikorskiego o zadaniach polskiej polityki zagranicznej w 2014 roku. 08.05.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.msz.gov.pl/pl/c/MOBILE/aktualnosci/wiadomosci/informacja_ministra_spraw_zagranicznych_o_zadaniach_polskiej_polityki_zagranicznej_w_2014_roku; дата обращения 11.02.2020.

⁴³ Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 22 lipca 2016 r. w sprawie oddania hołdu ofiarom ludobójstwa dokonanego przez nacjonalistów ukraińskich na obywatelach II Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1943–1945.

⁴⁴ *Libera P.* Polski prometeizm. Jak ewoluował i jak z nim walczone? // Pressje. T. 22–23. Kraków, 2010. S. 89–97.

⁴⁵ *Mieroszewski J.* Rosyjski «kompleks polski» i obszar ULB // Gazeta Wyborcza. 2004. № 254. 4 grudnia. S. 14.

⁴⁶ Jan Paweł II. Pielgrzymki do Ojczyzny 1979, 1983, 1987, 1991, 1995, 1997, 1999, 2002. Przemówienia, homilie. Kraków, 2012. S. 766–767.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛЬША И ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ НАТО В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШЕ: КРАТКИЕ ИТОГИ И ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Сергей Лаврёнов

В начале 1990-х гг., в контексте стремительных событий, сопровождавших крах мировой системы социализма и последующий распад СССР, Польша не испытывала особых колебаний в выборе своего дальнейшего внешнеполитического курса. Этот выбор был сделан в пользу возвращения в лоно «европейской цивилизации», одного из глобальных на тот момент центров силы, опирающегося на американскую военно-силовую доминанту¹. Пропаганда «возвращения» Польши в лоно европейской цивилизации было положительно воспринято большинством населения, что обеспечило её долгосрочную легитимность.

Немаловажную роль в форсированной «смене вех» сыграла непростая история российско-польских отношений. Сложные аспекты двусторонних отношений (участие России в разделах Польши, подавление польских восстаний в XIX в., Советско-польская война 1919–1921 гг., Катынский расстрел 1940 г. и др.) при помощи польских СМИ заложили концептуальную основу для резкого разворота внешнеполитического курса постсоветской Польши. Не случайно, последняя, одна из первых среди бывших социалистических стран, учредила т. н. историческую политику, целью которой является интерпретация проблемных вопросов двусторонних отношений в выгодном для Варшавы свете.

Вывод российской группировки с польской территории в сентябре 1993 г. окончательно открыл Польше «дверь на Запад», где приоритет был отдан развитию отношений с США, единственной, на тот момент,

сверхдержаве, способной предоставить надежные гарантии военной безопасности Польши². Немаловажную роль в установлении «особых» отношений Варшавы с Вашингтоном сыграло нахождение в США многомиллионной польской диаспоры³. Взамен на поддержку США, Польша делегировала себе роль «проводника» американского влияния в Европе. Такое позиционирование, помимо прочего, должно было придать Варшаве дополнительный вес в европейской политике. В частности, после вступления Польши в ЕС Варшава стала претендовать на то, чтобы стать главным представителем Брюсселя во взаимоотношениях с восточноевропейскими странами (Чехией, Словакией, Болгарией) и рядом бывших советских республик (прежде всего, Украиной и Беларусью).

Примечательно, что Польша сначала вступила в Североатлантический договор, а затем уже в ЕС: членом НАТО Польша стала 12 марта 1999 г., а членом ЕС — 1 мая 2004 г. При этом вооруженные силы НАТО появились на польской земле еще до формального вступления Польши в альянс. Первые совместные учения Польши с НАТО состоялись в 1994 г. на полигоне под Познанью. С 1996 г. НАТО стало использовать для учений полигон в Дравско-Поморске в Западной Польше. Еще не став формально членом НАТО, Польша доказала свою лояльность тем, что приняла участие (в составе натовских коалиционных сил) в войне в Персидском заливе в 1991 г. Едва вступив в Североатлантический договор, Варшава поддержала нанесение бомбовых ударов натовской авиации по территории Югославии (1999).

Вступление в альянс было расценено польской политической элитой как историческое событие, дающее ей шанс впредь не опасаться «российской угрозы». Однако, взамен, Варшаву ожидали дополнительные обязательства в военно-политической сфере. Наиболее значимой услугой, которую оказала Польша Вашингтону, стала поддержка Варшавой предложения американцев о размещении в Европе элементов системы национальной ПРО. Формальным поводом для этого являлась якобы необходимость защиты территории союзников США и дружественных им стран от иранской и севернo-кoрeйской ядерной угрозы. Демонстрируя свою решимость реализовать данный проект, США в июне 2002 г. вышли из Договора 1972 г. об ограничении систем противоракетной обороны. Москва заявила об отрицательном отношении к подобному решению, настаивая на том, что этот документ является «краеугольным камнем стратегической стабильности и безопасности»⁴.

Первоначально предложение о размещении элементов американской системы ПРО в Европе, впервые официально поднятое американцами в 2007 г., не вызвало восторга в евроструктурах, где еще не забыли

о «военной тревоге» 1983 г., когда размещение советских и американских ракет средней и меньшей дальности в Европе едва не поставило мир на грань ядерной войны. Кроме того, «старую Европу» в лице, прежде всего Германии и Франции, раздражала демонстративная готовность Польши быть безоговорочным «агентом влияния» американцев в Европе, с какими бы инициативами те не выступали.

Тем не менее Вашингтону удалось «продать» свое решение. В связи с удачным испытанием в 2013 г. северокорейской ракеты-носителя Ынха-3 стало очевидным, что КНДР с этого момента располагает необходимыми технологиями для создания межконтинентальных баллистических ракет, способных поразить любую цель на территории Европы и США. Тем самым, формальный предлог для развертывания элементов американской национальной ПРО, казалось, нашел подтверждение. Вашингтоном, по «горячим следам», был принят ряд масштабных решений: об увеличении числа противоракет, развернутых на Аляске и в Калифорнии; создании третьего района базирования противоракет GBI⁵ на Атлантическом побережье, способного прикрыть основные населенные центры и, что самое важное — о развертывании противоракетных баз на территории ряда европейских стран с последующим включением их в зону действия американской ПРО.

Помимо Великобритании, ближайшего союзника США, ряд восточноевропейских стран — Польша, Чехия, Венгрия и Румыния⁶ — выразили готовность разместить на своей территории элементы системы американской ПРО, включая противоракеты GBI.

Предварительная договоренность Варшавы и Вашингтона по этому вопросу была достигнута в сентябре 2006 г. во время визита в США тогдашнего премьер-министра Польши Я. Качиньского. Договоренность предполагала размещение на территории Польши десяти ракет-перехватчиков GBI в защищенных подземных шахтах к 2011–2012 гг. Одним из главных доводов польского премьера-министра Качиньского в пользу этого решения вновь стало утверждение о том, что размещение в Польше американской базы ПРО предоставит ей гарантию относительно того, что Россия уже не сможет вернуть Польшу в свою сферу влияния.

Работы по созданию соответствующей инфраструктуры были резко ускорены после российско-грузинского вооруженного конфликта в августе 2008 г. 20 августа 2008 г. США и Польша подписали соглашение о размещении к 2013 г. на базе в районе поселка Редзиково (Поморское воеводство, рядом с г. Слупск) 10 ракет-перехватчиков дальнего действия GBI шахтного базирования. Другой элемент ПРО, многофункциональная РЛС для обнаружения и сопровождения целей, отслежива-

ния пусков ракет и оценки результатов стрельбы предполагалось разместить на полигоне Брды юго-западнее Праги (Чехия).

Однако реализация соглашения продвигалась медленно. Столкнувшись с растущей оппозицией со стороны России планам размещения американской ПРО в европейских странах, тогдашний президент США Б. Обама 17 сентября 2009 г. заявил о коренном пересмотре предыдущих планов и провозгласил так называемый «гибкий поэтапный подход» (*European Phased Adaptive Approach*, ЕРАА) к развертыванию ПРО в Европе⁷. За этим последовали и другие изменения. США и Польша подписали дополнительное соглашение о ПРО, согласно которому вместо противоракет GBI в Польше предполагалось разместить наземный комплекс ПРО *Aegis Ashore* (аналог корабельного комплекса ПРО *Aegis*), включающий в себя РЛС AN/SPY-1 с фазированной антенной решеткой (ФАР) и 24 установки вертикального пуска (УВП) Mk.41 для противоракет SM-3 Block IIА⁸. Проведем несложные расчеты применительно к Восточной Европе. Потолок SM-3, этой самой дальнобойной зенитной управляемой ракеты США, составляет 250 км, радиус захвата цели системой *Aegis Ashore* — 500 км. Соответственно, тактико-технические характеристики этого комплекса позволяют поражать моноблочные баллистические ракеты. В 2015 г. в США возобновили программу размещения на одной противоракете нескольких кинетических перехватчиков под названием *Multi Object Kill Vehicle*. Кроме того, с планируемым введением в строй мобильного радара морского базирования комплекс может приобрести потенциальную способность поражать космические объекты в любой точке земного шара. Не исключено также оснащение ракет ядерной боевой частью (в настоящее время находится на стадии тестирования) — в этом случае ракетный комплекс получит возможность наносить молниеносные точечные удары по защищенным наземным и подземным объектам. Но, может быть, наиболее дестабилизирующим аспектом является то, что тактико-технические характеристики УВП, помимо противоракет, позволяют размещать крылатые ракеты «Томагавк», в том числе и с ядерными боеголовками и с дальностью стрельбы 2400 км. Подобная ситуация стала дополнительным вызовом для и без того хрупкой системе региональной безопасности.

Размещение элементов американской национальной системы ПРО в Польше дало толчок для развития военного сотрудничества США и Польши и в других сферах. Так, 11 декабря 2009 г. Польша и США подписали Соглашение о статусе сил (*Status of Force Agreement*, SOFA), создавшего юридические основания для размещения в стране американских военнослужащих. Помимо ПРО, активизировались контакты

двух сторон в области ПВО. 25 мая 2010 г. в Польшу прибыла первая учебная батарея американских ЗРК *Patriot*⁹ и около 120 военнослужащих для обучения польских военных использованию этого комплекса, который Варшава намеревается закупить в США и сделать её базовой для национальной ПВО. Батарея дислоцировалась в г. Моронг (Варминьско-Мазурское воеводство, в 60 км от границы с российской Калининградской областью).

Одновременно Варшава проявила интерес к зенитно-ракетной системе MEADS (*Medium Extended Air Defense System*). Перспективный мобильный зенитно-ракетный комплекс (ЗРК) MEADS предназначен для обороны группировок войск и важных объектов от оперативно-тактических баллистических ракет с дальностью полета до 1 000 км, крылатых ракет, самолетов и беспилотных летательных аппаратов противника.

13 мая 2011 г. было подписано польско-американское соглашение о размещении в Польше на ротационной основе американской боевой авиации. Согласно этому соглашению, в ноябре 2012 г. на авиабазе Ласк (юго-западнее г. Лодзь) был развернут американский авиационный передовой отряд, в состав которого вошла эскадрилья истребителей F-16 и звено транспортных самолетов *Lockheed C-130 Hercules* ВВС США. На ротационной основе на аэродроме в г. Ласк дислоцировались также истребители-бомбардировщики F-16 31-го истребительного авиакрыла ВВС США, переброшенные с базы Авиано (Италия). На вооружении этих истребителей находятся тактические ядерные авиабомбы B61. Однако в ближайшее время их в этом качестве могут сменить новейшие истребители-бомбардировщики средней дальности F-35, способных нести авиабомбы как в ядерном, так и в неядерном снаряжении. Они будут вооружены перспективной ядерной авиабомбой «B-61-12» с боезарядами в 50, 10, 1,5 и 0,3 килотонны. Данный вид боеприпасов придаст новый характер боевым возможностям нестратегических ядерных сил НАТО. Новое семейство авиабомб B61-12, благодаря хвостовому оперению и системе наведения, аналогичной управляемым бомбам JDAM¹⁰, станет управляемой и высокоточной¹¹. Фактически B61-12 будет представлять собой бомбу двойного назначения: она может являться элементом как стратегических наступательных вооружений при доставке тяжелыми бомбардировщиками, так и нестратегическим ядерным боезарядом при использовании самолетами тактической авиации. С аэродромов Польши и стран Балтии подлетное время самолетов F-35 к российской территории составляет считанные минуты.

Военное присутствие США и других стран НАТО в Польше еще более активизировалось после государственного переворота на Украине

в феврале 2014 г. К этому времени вооруженные силы Польши были полностью реорганизованы в соответствии со стандартами НАТО¹².

С апреля 2014 г. на территории ряда восточноевропейских стран начал осуществляться комплекс военных и военно-политических мероприятий, направленных, как это было официально заявлено, на то, чтобы убедить союзников и партнеров в решимости Америки «установить прочный мир и стабильность в регионе в свете «российской интервенции в Украину» (операция *Atlantic Resolve* — «Атлантическая решимость»). 23 апреля 2014 г. в Польшу прибыла рота воздушных десантников (около 150 военнослужащих) 173-й воздушно-десантной бригады армии США, дислоцирующейся в Виченце (Северная Италия). В октябре 2014 г. десантников сменили подразделения 1-й бригадной боевой группы 1-й кавалерийской (бронетанковой) дивизии из Форт-Худа (штат Техас). В их составе на польской земле впервые появились танки M1A2 *Abrams*.

С тех пор ротации подразделений армии США в Польше стали осуществляться на регулярной основе. Польская авиабаза Мальборк (Варминьско-Мазурское воеводство) стала использоваться для усиления истребительной авиации НАТО, несущей боевое дежурство по защите воздушного пространства стран Прибалтики. Здесь на ротационной основе размещаются самолеты-истребители ВВС Франции, Нидерландов и Бельгии.

На территории страны регулярно проводятся учения альянса по отработке применения как сухопутных сил, так и ВВС и ВМС. С этой целью используются практически все польские полигоны (Дравско-Поморске, Венджин, Бедруско, Жагань-Свентошув, Устка, Гжицко, Вегножево, Ожиш, Торунь, Нова-Демба и др.). В частности, американские летчики получили возможность тренироваться ведению условного воздушного боя против польских летчиков на МиГ-29 и др.

Одновременно с наращиванием военного сотрудничества с США Польша активизировала свою роль в европейской общей политике безопасности и обороны (ESDP). Еще в июле 1997 г. на встрече министров обороны Германии, Дании и Польши было принято решение создать германско-датско-польский армейский корпус на базе германско-датского корпуса, сформированного в 1962 г.¹³ После вступления Польши в НАТО 12 марта 1999 г., 18 сентября того же года состоялась церемония инаугурации многонационального армейского корпуса под названием «Северо-Восток», ставшего частью Сил быстрого реагирования НАТО (*High Readiness Forces*, HRF). От Польши в состав корпуса «Северо-Восток» вошла 12-я Щецинская механизированная дивизия им. Болеслава Кривоустого.

В ноябре 2005 г. корпус достиг полной оперативной готовности. Штаб корпуса создан на базе польского дивизионного командования в г. Щецин. Он осуществляет оперативное командование и управление шестью интеграционными единицами НАТО (*NATO Force Integration Units*, NFIU¹⁴) в Польше (Быдгощ), Литве (Вильнюс), Латвии (Рига), Эстонии (Таллин), Словакии (Братислава) и Венгрии (Секешфехервар). В настоящее время в работе штаба, в той или иной степени, участвуют 22 страны НАТО, а также Финляндия и Швеция. В июне 2013 г. корпус впервые принял участие в учениях в Литве, Латвии и Эстонии (учения НАТО *Saber Strike 2013*).

25 января 2016 г. в Люблине (Польша) начал функционировать штаб еще одного многонационального соединения — литовско-польско-украинской бригады (LITPOLUKRBRIG), официально предназначенной для участия в международных миротворческих и гуманитарных операциях. Соглашение о её создании было подписано в Варшаве 19 сентября 2014 г. Общая численность бригады — около 4,5 тыс. чел. (в т. ч. от Польши — 3,3 тыс. военнослужащих). В мирное время подразделения, входящие в состав бригады, находятся в национальном подчинении и располагаются в пунктах постоянной дислокации.

Помимо вышеназванных боевых единиц НАТО, в Польше находится один из ключевых учебных центров Североатлантического альянса — Объединенный центр боевой подготовки Объединенных вооруженных сил (ОВС) НАТО (*Joint Force Training Centre*, JFTC) в г. Быдгощ. На базе Центра ежегодно проходит обучение около 3 тыс. офицеров и младших специалистов для органов управления войсками (силами) тактического звена. К этому нужно присовокупить расположенных на территории Польши два Центра передового опыта НАТО (*Centres of Excellence*, COEs), предназначенных для подготовки руководителей и экспертов из стран-членов НАТО и из стран-партнеров. Первый из них — Центр передового опыта в области военной полиции (*NATO Military Police Centre of Excellence*, NATO MP COE) — функционирует в г. Быдгощ (основан 11 декабря 2013 г.). Второй Центр передового опыта в области контрразведки (*NATO Counter Intelligence Centre of Excellence*, NATO CI COE), основанный 29 сентября 2015 г. совместно Польшей и Словакией, расположен в Кракове (Польша) и Тимор-Лесте (Словакия).

По итогам саммита НАТО в Варшаве 8–9 июля 2016 г. было принято решение об усилении присутствия НАТО, помимо прибалтийских республик, также в Польше. В каждой из этих стран с начала 2017 г. развернута многонациональная тактическая группа численностью в батальон. В состав тактической группы, дислоцируемой в Польше, вошли американские, британские и румынские подразделения. Батальон разме-

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Айненкель А. — 65
Андропов Ю. В. — 90, 104
Андрюшкевич А. — 139
Араки С. — 50
Асатиани А. — 83
Асатиани С. — 83
Байтуган Б. — 84
Балинов Ш. — 85
Балуевский Ю. Н. — 129
Балыков С. — 85
Баммат Х. — 84
Бандера С. А. — 67, 168
Бартошевский В. — 109
Бедронь Р. — 139
Бек Ю. — 47, 49, 51, 62, 65, 88, 101
Бенедикт XVI (Ратцингер), папа Римский — 104
Бенеш Э. — 51
Бехаэддин Х. — 84
Бжезешкий А. — 93
Бжезинский З. — 6, 90–95, 97, 104, 111, 117
Бабиш А. — 158
Билецкий А. Е. — 167
Билый И. А. — 85
Блашак М. — 135
Бончковский В. — 87–88, 102
Брежнев Л. И. — 90, 104
Брынкус Ю. — 139
Буш-младший Дж. — 130–131, 163
Василевский Л. — 79
Вачелл Дж. Л. — 47
Венцковский А. — 26
Вильсон В. — 77
Волос М. — 66
Вольдемарас А. — 80
Гамелен М. — 46
Гвазава Г. — 86
Гегечкори Е. — 83
Гедройц Е. — 12, 81, 87, 89, 103, 104, 107–109, 111–115
Герек Э. — 5
Геремек Б. — 94
Голуко Т. — 82, 87, 101
Гомулка В. — 5
Горбачев М. С. — 6, 91–91
Грегорович С. — 60
Далалде Э. — 46
Деникин А. И. — 26, 80
Джабагиев В.-Г. И. — 98
Джонс Дж. — 166
Дзержинский Ф. — Э. 80
Дмовский Р. — 27
Дольфус Э. — 146
Дуда А. — 9, 134–135, 141, 166
Жегота-Янушайтис М. — 21
Жолтек С. — 140
Жордания Н. — 86
Захариадзе А. — 83
Зачвиловский С. — 87
Звягина Д. А. — 61
Земан М. — 158
Земке Я. — 138
Зурабишвили И. — 83
Ибрагимов В. — 85
Иванов И. С. — 109
Имнадзе К. — 83, 101
Иоанн Павел II (Войтыла), папа Римский — 90, 94, 104
Иоффе А. А. — 24
Исхаки А. — 84–85, 88
Исхаков С. — 96
Казароли А. — 91, 104
Казимир Великий — 19
Кайо, принц — 50
Канарис В. — 67
Карлов Ю. Е. — 91
Качинский Л. — 8, 110–113
Качинский Я. — 8, 110–113, 135, 145, 150–151
Квасневский А. — 110, 137
Кеннард Х. — 47
Керзон Дж., маркиз — 20, 80
Клемансо Ж. — 78
Клих Б. — 111
Коваль П. — 91, 103
Козырев А. В. — 7
Колчак А. В. — 78
Коморовский Б. — 113, 136
Коновалец Е. — 82
Копач Э. — 152
Корвин-Микке Я. — 140
Корнат М. — 62, 92, 96, 104
Косиняк-Камыш В. — 137
Костюшко Т. — 5, 87
Костяев Ф. В. — 25–26
Кох Э. — 68
Красинский З. — 75
Кутшеба Т. — 52
Кшивицкий Л. — 81
Лавров С. В. — 129
Лапинский Т. — 87
Левандовский Ю. — 90
Ленин В. И. — 3, 24–25, 27, 80
Липский Ю. — 51
Литвинов М. М. — 78
Любачевский Т. — 85
Любнауэр К. — 136
Маевский Ю. — 89
Мазовецкий Т. — 94, 105
Маккиндер Х. — 76, 80, 92
Макрон Э. — 171
Мамед Эмин Расулзаде — 86
Матерский В. — 92
Михаловский Р. — 85
Медведев Д. А. — 7, 112, 130
Меркель А. — 137
Мерошевский Ю. — 12, 81, 89, 197–108, 110–115
Микиulich С. — 90
Миллер Л. — 138
Моравецкий К. — 8, 139, 135, 146
Моравецкий М. — 9, 135, 146
Мосщицкий И. — 31
Мохнацкий М. — 75
Мухамед Ибрафил-бей — 84
Нагорский А. — 95
Новак — 78
Новак-Езоранский Я. — 94–95, 106
Норвид-Нойгебауэр М. — 43
Ноэль Л. — 46
Олеховский А. — 109
Орбан В. — 145, 158
Орджоникидзе Г. К. — 80
Папроцкий С. — 89
Пелчинска-Наленч К. — 93, 105
Пелчинский Т. — 49
Петлюра С. — 81
Петру Р. — 136
Пилсудский Ю. — 3–4, 6, 21–23, 26–27, 29–30, 34, 36–37, 45, 50–54, 60–64, 66, 75–76, 78–79, 81–82, 87–89, 107, 115, 146, 164–166, 169
Помяновский Е. — 108
Путин В. В. — 7, 9, 129–130, 137–138, 158
Ралец К. Б. — 24
Рашишвили Н. — 81, 83, 87
Рамсфельд Д. — 163
Расул-заде Мехмет Эмин-бей — 84
Ратцингер И., см. Бенедикт XVI
Рейган Р. — 90, 105
Рейхенау В. фон — 34
Розвадовский Т. — 22
Рузвельт Т. — 76
Рузвельт Ф. — 5
Рыдз-Смиглы Э. — 37, 52
Саакашвили М. — 112
Савинков Б. В. — 81
Святловский Б. — 92
Сейдамет Д. — 81, 85–86, 88, 102
Сикорский Р. — 114, 136
Скоропальский П. П. — 66, 82
Скубишевский К. — 92, 94, 105
Смаль-Стоцкий Р. — 88
Сметона А. — 80
Солженицын А. И. — 9
Спасович В. Д. — 75
Сталин И. В. — 5, 80
Стахович Ю. — 81–82
Султан-Галиев М. — 85, 102
Сунш-Гирей М. — 84, 86
Суурда Э. Р. — 47
Сухенек-Сухецкий Г. Я. — 82
Суходольский Б. — 87
Сушко Н. — 67
Схетына Г. 136
Трампа Д. — 10, 163, 168, 171
Туск Д. — 7, 112, 136, 151–152
Тухачевский М. Н. — 3, 21
Фабрици К. — 34
Филиппович Т. — 75, 80
Фори Л. — 35–36
Фош Ф. — 51
Френсис Д. — 77
Фридман Дж. — 165–166
Хантингтон С. — 91, 104, 156
Харашкевич Э. — 84–85, 87–88, 101
Чажастый В. — 138
Чайковский (Садлыкпаша) М. — 87
Чарторыйский А. Е., князь — 98
Чемберлен Н. — 47, 51
Черчилль У. — 5
Чичерин Г. В. — 25
Чокаев М. — 86
Чхеидзе Н. — 81
Чхенкели А. — 83
Шакирова Ш. — 84
Шамиль Саид-бей — 88
Шептицкий С. — 29–30
Шетцель Т. — 82, 88, 101
Шиммельфеннинг Ф. — 160
Шушнитт К. — 146
Щерский К. — 168
Эсхил — 74
Ющенко (Чумаченко) К. М. — 165
Ющенко В. А. — 165
Ян Собеский 87
Янукович В. Ф. — 114
Ярузельский В. — 6
Ярый Р. — 67

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Междуморье. К столетию химеры**
От редакторов 3
- ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ПОЛЬШИ ЗА РЕГИОНАЛЬНОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ В НАЧАЛЕ XX В.** 17
- Советско-польская война и два сценария для Восточной Европы**
Геннадий Матвеев 19
- Крах — цена ошибочных военно-политических расчётов: военная машина Второй Речи Посполитой**
Александр Макушин, Дмитрий Суржик 29
- «ПРОМЕТЕИЗМ» КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ «ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ» ПОЛЬШИ** 57
- Доктрина «прометеизма» в политике Второй Речи Посполитой и Третьего рейха**
Федор Синицын 59
- «Прометеизм» в польском сознании: теория и практика**
Татьяна Симонова 74
- «Восточная политика» Гедройца—Мерошевского или «прометеизм 2.0»?**
Дмитрий Буневич 107
- СОВРЕМЕННАЯ ПОЛЬША И ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ** 119
- Развёртывание инфраструктуры НАТО в современной Польше: краткие итоги и основные выводы**
Сергей Лаврёнов 121
- Образ России у политических партий Польши**
Вадим Трухачёв 134
- Альтернатива для Европы. Что предлагает Польше и её союзникам внутренняя политика «Права и справедливости»**
Александр Носович 144
- Новый рыцарь холодной войны в Центральной Европе — Польша**
Рафал Ридель 154
- Возрождение Междуморья — американская игра против Евросоюза и России**
Вероника Крашенинникова 163
- Заключение 171
- Сведения об авторах 173
- Именной указатель 174

**Польша в борьбе за Восточную Европу
1920–2020**

Редактор *К. А. Залесский*
Художественное оформление *М. А. Миллер*
Компьютерная верстка *В. В. Забковой*
Корректор *И. В. Рязанова*

ООО «Издательство «Кучково поле»
Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 2-11
Тел.: (495) 256 04 56; e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 28.2.2020
Формат 165×235 мм. Усл. печ. л. 14,3.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-907171-17-6